

Музей «производственного типа» в СССР: возникновение, опыт работы и ликвидация. К истории музейного строительства в СССР в 1920–1930-е гг.

Н. А. Зубанова

Музей-усадьба «Кусково»,
Российская Федерация, 111402, Москва, ул. Юности, 2

Для цитирования: Зубанова Н. А. 2020. Музей «производственного типа» в СССР: возникновение, опыт работы и ликвидация. К истории музейного строительства в СССР в 1920–1930-е гг. *Вопросы музеологии*, 11 (2), 197–209. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.205>

В статье исследуется опыт работы «производственных музеев», которые появились в Советской России в 1920-е гг. Упоминания о существовании подобных музеев неоднократно встречаются в докладах, посвященных музейному строительству, в документах Коллегии по делам музеев Наркомпроса, в официальной музейной документации и периодической печати тех лет. При этом заметим, что до настоящего момента в историографии отечественного музейного дела отсутствует определение музеев данного типа, и обращение к опыту их работы остается на периферии исследовательского интереса. В предлагаемой статье на примере двух московских музеев — Музея фарфора и Музея мебели — поэтапно рассказывается об истории создания музеев, выясняются социокультурные факторы, которые способствовали их становлению в качестве музеев «производственного типа», а также анализируются причины, приведшие к смене их профиля или закрытию (в случае с Музеем мебели). Появление и деятельность «производственных музеев» были связаны с особым историческим моментом — временем активного создания советской музейной сети и экспериментов в области музейного дела. Если раньше музеи в своей деятельности были сфокусированы на хранительской и научной функциях, то на новом историческом этапе переосмысливалась роль музеев в обществе: во главу угла их деятельности ставились просветительская, обучающая и воспитательная функции. В это время еще существовала возможность для реализации определенных творческих экспериментов. В деятельности «производственных музеев» уже тогда успешно практиковались такие виды музейной работы с посетителем и реализовались некоторые подходы в экспозиционной деятельности, которые актуальны в современной музеологии и востребованы современными музейными институциями.

Ключевые слова: история музеев, Музей фарфора, Музей мебели, производственные музеи.

Революционные события 1917 г. способствовали «раскрытию» многих частных собраний. Никогда еще в истории России государству не принадлежал такой объем художественных ценностей. За первое советское десятилетие состоялось девять партийных съездов и восемь всесоюзных конференций, почти на всех этих форумах ставились вопросы культурного преобразования¹. Деятельность партийной

¹ Рубан, 2002. С. 21.

и государственной системы в этой сфере получила название «культурного строительства», «культурной революции».

Перед советским правительством стояла задача централизации деятельности музеев, создания единой музейной сети, что потребовало таких мер, как уточнение профилей отдельных музеев, реорганизация старых, а также создание новых музейных учреждений. Некоторые музеи стали создаваться в расчете на определенного зрителя. Таким образом в Москве были открыты «пролетарские музеи», которые, по мысли создателей, должны были представлять собой «экспериментальные площадки, где шла разработка новых методов организации музея»². К 1920 г. было создано восемь «пролетарских музеев» на основе крупных частных собраний (некоторые из них имели филиалы).

В столице возросло количество музеев технического профиля: к 1930 г. количество музеев технических и прикладных знаний возросло до 33, из которых в Москве находилось 29³. Создание подобных музеев отвечало тем государственным задачам, которые были поставлены перед культурными учреждениями правительством: участие в изучении производственных сил страны и содействие индустриализации.

Еще одним шагом в этом направлении стало появление музеев «производственного типа».

Самое раннее упоминание термина «производственный музей» нами выявлено в докладе С. Ф. Ольденбурга, посвященном Положению о Главмузее. Во втором пункте документа Ольденбург пишет: «В круг ведения Главмузея входят все музеи: гуманитарные, естественноисторические и *производственные* (курсив наш — Н. З.), как центральные, так областные и местные»⁴.

Термин «производственный музей» встречается в связи с обсуждением дальнейшей судьбы «пролетарских музеев». Предполагалось, что каждый музей будет посвящен определенной теме, определенному виду производства. Например, в Первом пролетарском музее было решено большую часть экспозиции посвятить демонстрации стекольного и фарфорового производства⁵.

Заведующая музейным отделом Наркомпроса Н. И. Троцкая в статье «Музейное строительство и революция», посвященной перспективам развития советского музейного строительства, приоритетной задачей в работе музеев определяла следующую: «...целостно и полно выявить картину материальной культуры советской страны во всех направлениях»⁶.

Среди вновь появившихся музеев автор указывает следующие их типы: историко-бытовые — усадьбы, монастыри, *производственные* (курсив наш — Н. З.), художественные, краеведческие, естественно-исторические и политехнические⁷.

Выступая на Первом Всероссийском музейном съезде (1930 г.), в контексте рассказа о вновь созданных советских музеях «производственные музеи» упомянул и М. С. Эпштейн: «Созданы нового типа музеи: краеведческий музей как тип ком-

² Майстровская, 2017. С. 31.

³ *Музеи Москвы и Московской области*. 1930. М.: Госиздат РСФСР «Московский рабочий». С. 7.

⁴ Главмузей (доклад С. Ф. Ольденбурга). 1920. *Художественная жизнь*. (Москва). 4–5: 12.

⁵ Овсянникова, 1982. С. 325. Прим. 44.

⁶ Троцкая Н. 1926. Музейное строительство и революция. *Наука и искусство*. (Москва) 1: 50.

⁷ Там же.

плексного музея, *производственный музей* (курсив наш — Н. З.), историко-революционный, антирелигиозный»⁸.

О признании со стороны руководящих музейных органов в 1920-х гг. необходимости построения «производственных музеев по принципу их специализации» сообщает в своем годовом отчете за 1927–1928 гг. директор Музея фарфора С. З. Мограчев⁹. В этом документе он характеризует свой музей как «историко-художественный производственного типа»¹⁰. В 1927 г. в статье, посвященной обзору выставки «Элементы русского быта в фарфоре», Музей фарфора характеризуется как «единственный специализированный историко-производственный музей керамики» на всю Центрально-Промышленную область СССР¹¹. По мнению автора, Музей фарфора должен быть использован «как школа высшего художественного мастерства для наших керамистов»¹².

Музей фарфора был открыт в 1919 г. В его основу легло собрание московского коллекционера Алексея Викуловича Морозова. В 1927 г. в музее был сформирован ученый совет, в который, помимо представителей музейного мира, вошли специалисты, связанные с керамическим производством, например художник С. В. Чехонин, а также известный художник-керамист А. В. Филиппов. Последний занимал должность заместителя директора Государственного экспериментального института силикатов (ГЭИС) и руководил Художественно-керамической лабораторией, созданной при институте. В 1928 г. в связи со специализацией институтов было принято решение об изъятии из спектра деятельности ГЭИС работ, связанных с эмалями и тонкой керамикой¹³. Поэтому в июне 1928 г. на заседании президиума Государственной академии художественных наук было принято решение передать лабораторию из ведения ГЭИС в ведение Академии¹⁴. Главнаука выступила со встречным предложением — включить керамическую лабораторию «в виде самостоятельной единицы» в состав Музея фарфора¹⁵. Лаборатория передавалась в музей вместе с оборудованием, материалом, полуфабрикатами, издательствами, библиотекой и архивом. Также сохранялся штат ее сотрудников (два человека), оплата работы которых до 30 сентября 1928 г. осуществлялась за счет ГЭИС¹⁶.

Организация производственной лаборатории в значительной мере поспособствовала тому, что Музей фарфора был переименован в Государственный музей ке-

---

⁸ Материалы Первого Всероссийского музейного съезда. 2010. *Музееведческая мысль в России XVIII–XX вв. Сб. документов и материалов* / отв. ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна. С. 642.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 406А. Оп. 12. Ед. хр. 1979. Отчет о деятельности Музея фарфора за 1926–1928 гг. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Ков А. 1927. Элементы русского быта в фарфоре. *Керамика и стекло*. (Москва 1200710394). 12: 433.

¹² Там же. С. 434.

¹³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 1. Ед. хр. 118. Протоколы № 261–281 заседаний президиума ГАХН за 1928 г. и материалы к ним. Л. 65.

¹⁴ Там же. Л. 64.

¹⁵ Там же. Л. 66.

¹⁶ Там же. Л. 65–65 об.

рамики (ГМК)¹⁷. По определению С. З. Мограчева, керамическая лаборатория стала «нервным центром музея»¹⁸.

В ее задачи входили следующие виды работ:

- выработка новых образцов керамических изделий для керамической промышленности на основе «всех достижений прошлого»;
- изучение форм и законов построения сосудов;
- рационализация существующих и стандартизация новых форм изделия применительно к потребностям нового быта;
- анализ изучения старых керамических материалов и нахождение новых.

Оборудование лаборатории позволяло автономно воспроизводить весь процесс производства изделия: от изготовления массы до обжига.

Силами сотрудников лаборатории были изготовлены полуфаянсовая и красная керамическая массы, глазури и разработана цветовая палитра, включавшая 26 тонов. Была освоена отливка гипсовых форм с ваз, блюд и скульптуры¹⁹.

Представление о продукции лаборатории можно составить по немногочисленным предметам, которые хранятся в собрании музея-усадьбы «Кусково»²⁰. В основном это предметы простых форм: вазы, небольшие кувшины, молочники, горшки для цветов, блюда, миски. В декорировке изделий использовались цветные поливы. Орнаментальная составляющая — цветы, животные, реже — фигуры людей, геометрический орнамент. В большинстве случаев роспись выполнена широкими мазками, недетализированно, что напоминает изделия в стиле примитивизма либо сближает с народным орнаментом. Сами изделия напоминают посуду, характерную для крестьянского быта.

Особый интерес представляют образцы мелкой пластики — фигурки птиц (попугай, петух) и людей. Прежде всего это «Кормилица», выполненная на основе скульптуры «Мать-кормилица» (скульптор Н. Миклашевская), выпускавшейся на Ленинградском фарфоровом заводе.

Еще три фигурки можно условно объединить под названием «городские типы». Это «Мешочник» — тип торговца, появившийся в годы Гражданской войны, продовольственного кризиса и товарного голода. Скульптура коренастого бородатого мужчины в шапке, красной рубаше, подхваченной поясом, и долгополой шубе с высоким меховым воротником может ассоциироваться с купцом. Третья фигурка изображает худого высокого мужчину со светлой бородой, одетого в коричневое пальто и шляпу. Облик этого человека выдает представителя интеллектуального труда. Гротесковая манера, в которой выполнены эти работы, позволяет рассматривать их как некую социальную сатиру «на злобу дня».

¹⁷ Постановлением СНК РСФСР от 06.07.1929 г. «в виду организации при нем специальной производственной лаборатории по керамическому производству и расширению его коллекций» (ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 14. Ед. хр. 21. План Музейного отдела Главнауки и сведения о сети музеев, подведомственных Главнауке. Л. 34).

¹⁸ ГАРФ. Ф. 406А. Оп. 11. Ед. хр. 1361. Историческая справка и сведения об организации деятельности и личном составе Государственного музея керамики. Л. 2.

¹⁹ Самецкая, 2001. С. 188.

²⁰ На сегодняшний день в коллекции музея-усадьбы «Кусково» хранятся 42 предмета, из них 38 — керамические изделия.

Белье под роспись закупалось на Дулевском и Дмитровском фарфоровых заводах, а также на фабрике «Сибфарфор». Большинство красителей поступало с завода «Краскоцвет» Гжельского района²¹.

Во время своей работы лаборатория сотрудничала с кустарями Гжели, живописцами Палеха (под руководством сотрудников лаборатории в Палехе предполагалось организовать производство росписи фарфора и фаянса), с художниками Дмитровской и Дулевской фарфоровых фабрик. Согласно распоряжению Главнауки вскоре деятельность подразделения была переориентирована «на выработку моделей и рисунков художественной керамики для экспорта с выполнением таких в материале»²².

В 1930 г. Музей фарфора был временно закрыт, особняк, в котором он располагался, был передан Институту Маркса и Энгельса. Музей был вынужден запаковать свои коллекции и перевезти их во временные фондохранилища. Оборудование художественно-керамической лаборатории было передано кооперативному товариществу «Художник» по договору от 15 сентября 1930 г., в котором среди прочего прописывалась обязательная передача ГМК образцов производимой «Художником» продукции (в двух экземплярах), а также подчеркивалось, что «если музей будет иметь возможность снова развернуть свою работу, то это оборудование лаборатории может быть ему возвращено»²³.

Необходимо подчеркнуть, что музей был закрыт, но не ликвидирован, хотя штат его сотрудников был существенно сокращен (45 человек в 1930 г., 10 — в 1931 г.)²⁴.

Открытым до сегодняшнего дня остается вопрос, кто и когда впервые озвучил возможность перевода ГМК в бывшую подмосковную усадьбу Кусково.

После переезда в Кусково фонды Музея керамики в основном — $\frac{4}{5}$ от общего числа его экспонатов — были размещены в здании церкви. Для развертывания экспозиции музея отводились площади в правом крыле дворца.

Согласно Приказу Наркомпроса № 53 от 02.02.1936 г. «О передаче художественных музеев Всесоюзному Комитету по делам искусств» в ведомство ВКИ передавался и ГМК²⁵. Таким образом, согласно данному документу, Музей керамики утрачивал свой профиль музея «производственного типа» и определялся как музей художественный.

Обращаясь к истории ГМК 1930-х гг., можно констатировать, что вывоз его коллекций в Кусково способствовал сохранению целостности сложившегося к тому времени собрания. Ликвидация керамической лаборатории, а также реформатирование профиля музея привели к потере его уникальности в качестве музея «производственного типа». Деятельность художественно-керамической лаборатории сначала в стенах ГЭИСа, а затем в ГМК носила экспериментально-исследовательский характер. В условиях, когда керамическая промышленность страны находилась в полуразрушенном состоянии, когда отсутствовала сырьевая база,

²¹ Самецкая, 2001. С. 188.

²² Там же. С. 190.

²³ ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 16. Ед. хр. 25. Постановление СНК РСФСР о Музее игрушки, переписка с музеями игрушки и керамики по административно-хозяйственным вопросам. Л. 4.

²⁴ Там же. Л. 32.

²⁵ *В помощь работнику музея: законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству / сост. А. Б. Гиленсон.* 1936. М.: Наркомпрос РСФСР. 6–7.

а импортные материалы из-за изоляции, в том числе и торговой, в которой находилось советское государство, были недоступны, создание такого подразделения в рамках научно-исследовательского института являло собой попытку решить те задачи, которые ставили перед советским производством правительство.

К 1927 г. было засвидетельствовано существование в Москве еще одного «производственного музея» — Музея мебели²⁶. Он был открыт на основе коллекций В. О. Гиришмана. Спустя некоторое время после революции коллекционер эмигрировал. Для постановки на государственный учет его собраний были командированы эмиссары Наркомпроса А. И. Батенин и Э. В. Вульфсон. В своем докладе в Комиссию декоративного искусства и народного быта Батенин сообщил о результатах своей работы и отметил, что из всех собраний исключительное значение имеет прежде всего мебельная коллекция: «При виде этой мебели убеждаешься, что это первая исключительная по качеству частная коллекция мебели, долженствующая послужить для организации Музея мебели. <...> Всего зарегистрировано 373 предмета: из них предметов 75 совершенно не реставрированных, в большинстве представляющие из себя лишь голые стенки без обивки или имеющие разломанные части, как-то ручки, локотники, ножки, спинки, крышки и проч. Эта нереставрированная мебель помещается частью в сарае, частью на чердаке. Прочая мебель весьма талантливо реставрирована и в большинстве великолепной сохранности»²⁷.

Цитируемый документ свидетельствует о том, что Батенин был первым, кто высказал предложение об организации на основе частного собрания специализированного музея, который и был открыт 29 октября 1919 г.²⁸ Он разместился в бывшем особняке коллекционера (Мясницкий проезд, д. 6), но находился там недолго. В апреле 1920 г. особняк был передан Транспортному отделу ВЧК, для музея был выделен Александрьевский дворец в Нескучном саду.

В музее было три отдела: русский, иностранный и производственный. В русском отделе демонстрировался «процесс эволюции форм и техники, а также образцы высших достижений русской мебельной промышленности с н. XVIII до к. XIX вв.»²⁹. Иностранный отдел был представлен «исключительными экземплярами мебельного искусства с XIII до XIX вв.»³⁰. В московском путеводителе 1926 г. Музей мебели характеризуется как «выдающееся в европейском масштабе художественное хранилище»³¹.

Ввиду недостаточной информации мы не можем в полной мере представить деятельность производственного отдела музея. То, что данное подразделение существовало уже в 1922 г., известно из доклада директора музея А. И. Батенина на заседании Совета Лесной промышленности НТУ ВСНХ СССР. Производственный отдел Батенин характеризует как «самый жизнедеятельный отдел музея», в рамках которого «впервые представлена совершенно новая теория архитектоники мебель-

²⁶ ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 21. Ед. хр. 24. Протоколы Комиссии по перемещению Музея мебели и переписка с Главнаукой о ликвидации музея. Л. 90.

²⁷ ГАРФ. 2307А. Оп. 3. Ед. хр. 224. Списки экспонатов Музея мебели и переписка по хозяйственным вопросам, акт Наркомпроса о передаче Отделу музеев бывшей дачи Мамонтова. Л. 12–12 об.

²⁸ Зенц, 1968. С. 206.

²⁹ ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 21. Ед. хр. 9. Списки, справки, удостоверения сотрудников Музея мебели и переписка по личному составу. Л. 2.

³⁰ Там же.

³¹ *Музеи и достопримечательности Москвы*. 1926. М.: Коммунистическое хозяйство. С. 100.

ных форм, устанавливающая определенный ряд конструктивных типов мебели и в противовес историко-культурной концепции позволяющая изучать мебель только со стороны технологии»³². Производственный отдел (экспозиция которого была развернута в мезонине) в своей деятельности был ориентирован на решение насущных производственных вопросов, прежде всего связанных со стандартизацией в мебельной промышленности³³. В музейном каталоге 1925 г. экспозиция отдела характеризуется как «экспериментальная» и носящая «периодически сменяющийся характер». На момент написания каталога в ней была представлена мебель для сидения, выставленная в порядке усложнения конструкции³⁴. Об этой выставке упоминает путеводитель по Москве 1926 г.: «В комнате I мезонина развернута выставка, показывающая эволюцию форм кресел и стульев четырехножных и трехножных, твердых, мягких и полумягких, относящихся к различным странам и периодам. Чертежи на стене знакомят с образцами работ лучших английских и германских мастеров-мебельщиков»³⁵.

С деятельностью данного отдела музей связывал перспективу своего развития. В 1925 г. в качестве приоритетных научных задач музея выделялись следующие: 1) повышение художественно-производственного уровня во всей среде производителей, работающих в деревообделочном производстве; 2) повышение художественного качества фабрикатов русского мебельного производства; 3) расширение культурно-просветительской работы среди рабоче-пролетарских масс³⁶.

В рамках деятельности производственного отдела, по мнению Батенина, могли бы разрабатываться стандарты предметов мебели, проводиться испытания качества материалов для изделий и т. п.³⁷

Мы обладаем незначительными сведениями об экспериментальной деятельности производственного отдела, однако такая работа велась: в декабре 1926 г. Батенин пишет письмо инженеру И. И. Рербергу с предложением выполнить проекты мебелировки для Центрального телеграфа. Такое же предложение было адресовано и инженеру В. В. Патэк, работавшему над проектом Московской телефонной станции³⁸.

Примечательна реакция профессионалов — посетителей музея (членов профсоюза деревообделочников) на его экспозицию, описанная в статье Н. Черемухиной «Профсоюзные экскурсии в подмосковные музеи-усадьбы». Экскурсанты высказали пожелание видеть в экспозиции не только развитие художественных форм, но и «разломанную, разделенную на части мебель, чтобы знать, как она сделана»³⁹ —

---

³² ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 21. Ед. хр. 24. Протоколы Комиссии по перемещению Музея мебели и переписка с Главнаукой о ликвидации музея. Л. 97.

³³ ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 21. Ед. хр. 12. Списки, справки, удостоверения сотрудников Музея мебели и переписка по личному составу. Л. 57.

³⁴ *Государственный музей мебели. Иллюстрированный каталог* / сост. А. Батенин. 1925. М.: Государственный музей мебели. С. 8.

³⁵ *Музеи и достопримечательности Москвы*. 1926. М.: Коммунистическое хозяйство. С. 100.

³⁶ ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 21. Ед. хр. 9. Списки, справки, удостоверения сотрудников Музея мебели и переписка по личному составу. Л. 2.

³⁷ Там же. Ед. хр. 24. Протоколы Комиссии по перемещению Музея мебели и переписка с Главнаукой о ликвидации музея. Л. 95.

³⁸ Там же. Ед. хр. 15. Переписка с Главнаукой, библиотеками, музеями о присылке книг, по административно-финансовым и хозяйственным вопросам. Л. 243–244.

³⁹ Черемухина Н. 1924. Профсоюзные экскурсии в подмосковные музеи-усадьбы. *Культурный фронт. (Москва)* 4: 19.

это помогло бы им в разработке новых форм мебели. Также они признали необходимым устраивать при музее показательные лекции по конструкции мебели. Автор статьи считает, что в перспективе необходимо придерживаться «производственно-уклона» при создании экспозиций подмосковных музеев-усадб.

Перспективы реэкспозиции Музея мебели отмечались в журнале «Строительство Москвы»: «Экспозиция будет очень сильно изменяться в сторону приближения к типу производственных музеев... много поучительного найдут для себя в залах музея ученики фабзавуча, союза деревообделочников и будущие мебельные мастера, учащиеся в профшколах»⁴⁰.

В 1926 г. шефство над музеем принял на себя Союз деревообделочников⁴¹.

Наиболее полная информация о деятельности музея содержится в документах, связанных с вопросом о его ликвидации. В мае 1926 г. на заседании секции ученого совета Музея мебели обсуждалась докладная записка, связанная с постановлением Комиссии по разгрузке Москвы «о выводе из Москвы Музея мебели». В качестве основных доводов в защиту музея члены ученого совета выдвигали следующие аргументы: 1) необходимость музея для Москвы как Центрального деревообрабатывающего мебельного района; 2) непригодность музейного здания для учреждения иного назначения; 3) затруднительность перевода коллекций в силу дороговизны перевозки экспонатов⁴². 24 мая 1926 г. о своем протесте против вывоза музея из Москвы заявил Московский губотдел профсоюза рабочих деревообделочников⁴³.

С целью доказать эффективность деятельности Музея мебели в июне того же 1926 г. А. И. Батенин выступил с докладом на совещании ответственных работников музейного отдела Главнауки Наркомпроса. В докладе он изложил план мероприятий, связанных с научно-практической деятельностью музея. Батенин предложил расширить производственный отдел, дополнив его экспозицию графиками, чертежами и схемами; на базе этого отдела организовать два подотдела — механизации («для наглядного знакомства с усовершенствованными европейскими и американскими новейшими деревообрабатывающими машинами»⁴⁴) и статистики (в котором представить сведения о сырье, центрах производства, размер экспорта и импорта). В экспозиции предлагалось создать дополнительный зал «с производственным уклоном» для демонстрации мебельных тканей и технологии их производства.

В декабре 1926 г. на владения Музея мебели начал претендовать Этнографический музей (Музей народоведения). В этот раз за музей заступился председатель губотдела Союза деревообделочников Фомичев. В своем обстоятельном заявлении он рассказал о плодотворном сотрудничестве, установившемся между музеем и промышленными кругами, а также о планируемом открытии на базе производ-

⁴⁰ Ловенгард А. 1927. Музей мебели. *Строительство Москвы*. (Москва). 4: 20 Примечателен тот факт, что статья вышла уже после закрытия музея.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 21. Ед. хр. 18. Протоколы и выписки из протоколов заседаний секций Ученых советов Музея мебели и Объединенного музея декоративных искусств, список членов Ученого совета Музея мебели. Л. 1.

⁴² ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 21. Ед. хр. 18. Протоколы и выписки из протоколов заседаний секций Ученых советов Музея мебели и Объединенного музея декоративных искусств, список членов Ученого совета Музея мебели. Л. 19.

⁴³ Там же. Ед. хр. 24. Протоколы Комиссии по перемещению Музея мебели и переписка с Главнаукой о ликвидации музея. Л. 120.

⁴⁴ Там же. Л. 132.

ственного отдела музея «лаборатории стандартного бюро НТУ лесной промышленности ВСНХ СССР»⁴⁵.

6 января 1927 г. А. И. Батенин в своей докладной записке в ВСНХ в очередной раз сообщил о намерении Главнауки закрыть музей. В своей телефонограмме от 07.01.1927 г. в Наркомпрос он просит «задержать» ликвидацию Музея мебели, так как «существование музея тесно связано с развитием и интересами мебельной и деревообделочной промышленности»⁴⁶.

Через три дня (10 января) в ВСНХ состоялось совместное совещание представителей музейных и промышленных кругов. На повестке дня стоял вопрос «о предполагаемом закрытии Музея мебели и Музея фарфора». За исключением Ф. К. Лехта, который высказался за расформирование коллекций, остальные участники в своих выступлениях подчеркивали важность существования таких музеев, прежде всего для развития отечественной промышленности. Докладчики обращали внимание на тесные связи, которые установились между Музеем мебели и производственными организациями. Один из выступавших рассказал, что учащиеся мебельного отдела Московского техникума кустарной промышленности постоянно работают с музейными коллекциями. Представитель Мосгуботдела деревообделочников Лебедев в своем выступлении отмечал, что мастера-деревообделочники на примере музейных предметов изучают «неизвестные способы вязки дерева и формы, удобные и красивые»⁴⁷.

Многочисленные письма и ходатайства в защиту музея со стороны самых разных организаций не помогли его отстоять: на заседании коллегии Наркомпроса 15 февраля 1927 г. было принято решение о его ликвидации. Согласно Распоряжению Главнауки № 43 от 01.04.1927 г., была назначена Комиссия «по вопросу о перемещении Музея мебели и предоставлении его помещений Этногалерее Центрального музея Народоведения»⁴⁸.

5 апреля вышло Распоряжение Главнауки № 1024, в соответствии с которым от занимаемых должностей были освобождены заведующий музеем А. И. Батенин и научный сотрудник Ю. С. Крапоткина «в виду прекращения на неопределенный срок деятельности Музея мебели» (курсив наш — Н. З.)⁴⁹.

В июне 1927 г. начальник Главнауки М. П. Кристи выступил с предложением о сокращении штатных единиц Музея мебели, что можно рассматривать как финальную точку в истории его существования⁵⁰.

По мнению современников, к музеям «производственного типа» относили Музей фарфора и Музей мебели. На наш взгляд, некоторые характерные «производственные» черты можно обнаружить и в деятельности некоторых других музеев.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 21. Ед. хр. 18. Протоколы и выписки из протоколов заседаний секций Ученых советов Музея мебели и Объединенного музея декоративных искусств, список членов Ученого совета Музея мебели. Л. 14 об.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 24. Протоколы Комиссии по перемещению Музея мебели и переписка с Главнаукой о ликвидации музея. Л. 110.

⁴⁷ Там же. Л. 114.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 2307А. Оп. 21. Ед. хр. 24. Протоколы Комиссии по перемещению Музея мебели и переписка с Главнаукой о ликвидации музея. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Ед. хр. 21. Анкеты, справки, удостоверения сотрудников Музея мебели и переписка по личному составу. Анкеты. Личные дела. Л. 12.

⁵⁰ Там же. Ед. хр. 24. Протоколы Комиссии по перемещению Музея мебели и переписка с Главнаукой о ликвидации музея. Л. 51.

В 1912 г. в Москве был основан Музей наглядных пособий по сельскому хозяйству, который в 1926 г. был реорганизован и находился в ведении Наркомата земледелия. В музее работали мастерская по производству предметов агрооборудования, которая за 1927–1928 гг. изготовила до 100 000 предметов, а также постоянная выставка наглядных пособий, на которой демонстрировалось 500 экспонатов⁵¹. Встречается упоминание о том, что «производственный музей» существовал при Сергиевской школе кустарного ученичества им. Степана Халтурина⁵².

Обращаясь к послереволюционной деятельности Кустарного музея, отметим, что в 1920-е гг. при музее было создано несколько экспериментальных мастерских, в которых решались вопросы улучшения технического и художественного уровня кустарных изделий⁵³. Постановлением СНК РСФСР от 10 августа 1927 г. эти мастерские были оформлены как Центральная научно-опытная показательная станция (ЦНОПС) с Кустарным музеем в ее составе⁵⁴. В 1931 г. на базе ЦНОПС был создан Научно-экспериментальный кустарный институт, реорганизованный в 1932 г. в Институт художественной и кустарной промышленности, включавший Музей народного искусства и магазин «Художественные промыслы»⁵⁵. Между тем директор Кустарного музея А. А. Вольтер термин «производственный музей» применял не к своему музею, а к Музею игрушки: «Музей игрушки, благодаря Бартраму, одним из первых в Советском Союзе встал в ряды нового типа “производственных музеев”, поставив перед собой задачу не только собирание и изучение игрушек и игр, но и подготовки новых кадров специалистов. И самое главное — задачу непосредственного воздействия на производство в целях улучшения качества продукции и создания для советской промышленности образцов новой советской игрушки»⁵⁶. В 1922 г. при Музее игрушки было открыто «Отделение художественной игрушки» Московского техникума кустарной промышленности ВСНХ⁵⁷. Таким образом, на наш взгляд, Е. С. Овчинникова совершенно обоснованно определяет Музей игрушки как музей «производственного типа»⁵⁸. В дальнейшем Бартрам предполагал пойти по пути Кустарного музея: он поднимал вопрос о необходимости организации научно-исследовательского центра — Института по изучению игрушки, «где могли бы разрабатываться и проверяться на практике новые образцы, осуществлялся бы контроль и помощь производствам»⁵⁹.

Искусствовед Анатолий Васильевич Бакушинский в своей докладной записке о создании Музея искусства в Палехе мыслил его как «художественно-производственный» музей⁶⁰. В качестве приоритетной задачи музея он выделял «содействие Артели в деле овладения, углубления и расширения техники производства, ее усо-

⁵¹ *Музеи Москвы и Московской области*. 1930. М.: Госиздат РСФСР «Московский рабочий». С. 28.

⁵² Там же.

⁵³ *Путеводитель по кустарному музею ВСНХ*. 1925. М.: ВСНХ, X.

⁵⁴ Иванова, 1972. С. 15.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Вольтер, 1972. С. 71.

⁵⁷ *Музеи и достопримечательности Москвы*. 1930. С. 112.

⁵⁸ Овчинникова, 1972. С. 71.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Кривцова, 2017. С. 116.

вершенствование», т. е. содействие производству, в данном случае ремесленному. Документ датирован 5 октября 1931 г.⁶¹

Анализируя деятельность Музея фарфора и Музея мебели в качестве музеев «производственного типа», можно определить их основные составляющие:

- преобладание в экспозициях музеев моноколлекций (керамики, мебели), в которых среди прочих были представлены лучшие, «эталонные» изделия;
- наличие в структуре музея производственно-показательного отдела (в случае с Музеем керамики — еще и художественной лаборатории), в рамках которого не только демонстрировался процесс производства (что являлось одной из форм музейного интерактива), но и велась научно-исследовательская и проектная работа;
- в научно-просветительской деятельности ориентация преимущественно на профессионалов — керамиста, деревообделочника и т. д.;
- наличие тесных связей с профильными производствами с целью совместного решения прежде всего художественно-производственных задач.

На основе изученного материала мы определяем музеи «производственного типа» как музеи с собраниями декоративно-прикладного искусства, в структуре которых существовали производственные отделы-лаборатории, на базе которых разрабатывались новые технологии и образцы в помощь промышленному производству.

Появление таких музеев было связано с особенным историческим моментом — временем активного создания советской музейной сети и экспериментов в области музейного дела. За короткий период времени — одно десятилетие — были созданы десятки новых музеев, часть которых просуществовала весьма недолго. В это время еще существовала возможность для реализации определенных творческих экспериментов. И именно как эксперимент, и во многом удачный, можно рассматривать появление в Москве «производственных музеев».

Проанализировав их опыт работы, мы выявили несколько причин, почему столь успешная и новаторская работа не нашла продолжения.

Временный характер деятельности творческих лабораторий. За время их существования была подготовлена почва для создания художественных лабораторий непосредственно на предприятиях.

У истоков создания музеев «производственного типа» стояли люди, которые либо досконально знали процесс производства, либо были представителями творческих профессий. Это были люди, чья творческая и профессиональная биография во многом строилась в дореволюционное время, к созданию музея они во многом относились как к творческому процессу. Их уход (или увольнение) и приход в музей в качестве сотрудников людей более идеологически ориентированных способствовали быстрой смене концепции.

В связи с изменением идеологической ситуации в музейной сфере в конце 1920-х гг. музеи были переориентированы на идеологическую работу. Вышли циркуляры, обязывавшие их участвовать в антирелигиозной работе, в частности в антипасхальных кампаниях⁶². В целях обеспечения идеологически правильной куль-

⁶¹ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. 2969. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 3.

⁶² *Бюллетень МОНО. (Москва). 1929. 6–7: 248; Еженедельник Наркомпроса. (Москва) 18: 42.*

турно-просветительской работы было рекомендовано переустроить экспозиции на позициях «марксистского освещения явлений искусства, чего до сих пор в музеях не было»⁶³. Рубежным этапом стал Первый Всероссийский музейный съезд 1930 г., на котором перед музеями была поставлена задача перестроить экспозиции на основах диалектического материализма, положив начало «превращению музеев в орудие коммунистического воспитания»⁶⁴.

Между тем, обращаясь к опыту работы «производственных музеев», можно отметить, что в их работе уже тогда успешно практиковались такие виды музейной работы с посетителем и реализовались некоторые подходы в экспозиционной деятельности, которые актуальны в современной музеологии и востребованы современными музейными институциями.

Литература

- Вольтер А. А. 1972. Воспоминания о Кустарном музее. *Музей народного искусства и художественной промышленности. Сборник трудов НИИХП* 5: 55–62.
- Зенц Е. М. 1968. История одной коллекции. *Вопросы истории* 7: 205–206.
- Иванова Н. Н. 1972. О создании Музея народного искусства. *Музей народного искусства и художественные промыслы. Сб. трудов НИИХП* 5: 7–19.
- Кривцова Л. А. 2017. Музей «чуда, рожденного революцией». Создание Государственного музея палехского искусства. *Музей и революция 1917 г. в России: судьба людей, коллекций, зданий из цикла «Музей и война»*. Сб. докладов всероссийской конференции 15–17 ноября 2017 г. Екатеринбург: ПК Артикул: 116–119.
- Майстровская М. 2017. Взгляд через столетие. Музейное строительство первых лет революционной России. *Мир музея* 3 (355): 28–32.
- Овсянникова Е. Б. 1982. Из истории Комиссии Моссовета по охране памятников. *Советское искусствознание* '81. Вып. 2. Сб. статей / под ред. В. М. Полевой и др. 2: 263–330.
- Овчинникова Е. С. 1972. Николай Дмитриевич Бартрам. *Музей народного искусства и художественные промыслы. Сб. трудов Научно-исследовательского института художественной промышленности. Изобразительное искусство*. 65–72.
- Рубан Н. И. 2002. *Советская власть и музейное строительство на Дальнем Востоке России (1920–1930-е гг.)*. Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова.
- Самецкая Э. Б. 2001. Художественно-керамическая лаборатория при Государственном музее керамики 1928–1930. *Научные чтения памяти В. М. Василенко. Сб. статей*. Вып. III. М.: ВМДПНИ: 186–196.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2020 г.;
рекомендована к печати 28 сентября 2020 г.

Контактная информация:

Зубанова Надежда Андреевна — зав. отделом «Усадьба»; museumkuskovoestate@gmail.com

Museums of a “manufacturing type” in the USSR: Emergence, experience and liquidation. The history of museum development in the USSR in the 1920s–1930s

N. A. Zubanova

Museum-estate “Kuskovo”;

2, ul. Yunosti, Moscow, 111402, Russian Federation

For citation: Zubanova N. A. 2020. Museums of a “manufacturing type” in the USSR: Emergence, experience and liquidation. The history of museum development in the USSR in the 1920s–1930s. *The Issues of Museology*, 11 (2), 197–209. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu27.2020.205> (In Russian)

⁶³ Воинов В. 1929. Музеи на распутье. *Жизнь искусства*. (Москва — Ленинград) 6: 3.

⁶⁴ В помощь работнику музея: законы, распоряжения, разъяснения по музейному строительству. 1936. С. 12.

The article examines the experience of the museums of a “manufacturing type” that appeared in Soviet Russia in the 1920s. References to the existence of such museums are repeatedly found in official reports, museums’ documentation and periodicals of those years. At the same time, we note that up to now there is no definition of this type of museum in the national historiography of the history of museums. The reference to the experience of their work remains on the periphery of the research interest. The article explores the example of two Moscow’s museums — the Museum of Porcelain and the Museum of Furniture — to describe the history of the creation of museums, to find out the socio-cultural factors that contributed to their formation as a “manufacturing type” museums, and to analyze the reasons that led to the closure (in the case of the Museum of Furniture) or a change of their profile. The emergence and activity of manufacturing museums was associated with a special historical moment — the time of the active creation of the Soviet museum network and experiments in the field of museum business. If earlier museums in their activities were focused on storage and scientific functions, then at the new historical stage the role of museums in society was rethought: the educational functions were placed at the forefront of their activities. At this time, there was still the opportunity to implement certain creative experiments. In the activities of “manufacturing museums”, such types of museum work with a visitor were already successfully practiced and some approaches in expository activities that were relevant in modern museology and in demand by modern museum institutions were implemented.

Keywords: history of museums, Museum of Porcelain, Museum of Furniture, manufacturing type museums.

References

- Ivanova N. N. 1972. On the creation of the Museum of Folk Art. *Muzei narodnogo iskusstva i khudozhestvennye promysly. Sbornik trudov NIIKhP* 5: 7–19. (In Russian)
- Krivtsova L. A. 2017. Museum of the “miracle born of revolution”. Creation of the State Museum of Palekh Art. *Muzei i revoliutsiia 1917 goda v Rossii: sud’ba liudei, kollektzii, zdanii iz tsikla “Muzei i voina”. Sbornik dokladov vserossiiskoi konferentsii 15–17 noiabria 2017 goda.* Ekaterinburg: PK Artikel Publ.: 116–119. (In Russian)
- Maistrovskaya M. 2017. A look through a century. Museum construction of the first years of revolutionary Russia. *Mir muzeia* 3 (355): 28–32. (In Russian)
- Ovchinnikova E. S. 1972. Nikolai Dmitrievich Bartram. *Muzei narodnogo iskusstva i khudozhestvennye promysly. Sbornik trudov nauchno-issledovatel’skogo instituta khudozhestvennoi promyshlennosti.* Moscow: Izobrazitel’noe iskusstvo Publ.: 65–72. (In Russian)
- Ovsyannikova E. B. 1982. From the history of the Moscow Council Commission for the Protection of Monuments. *Sovetskoe iskusstvoznanie ‘81. Sbornik statei.* 2: 263–330. (In Russian)
- Ruban N. I. 2002. *Soviet authority and museum construction in the Far East of Russia (1920–1930s).* Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum of N. I. Grodekova Publ. (In Russian)
- Sametskaya E. B. 2001. Art and Ceramic Laboratory at the State Museum of Ceramics 1928–1930. *Nauchnye chteniia pamiati V. M. Vasilenko. Sbornik statei.* Moscow: VMDPNI Publ.: 186–196. (In Russian)
- Voltaire A. A. 1972. Memoirs of the Handicraft Museum. *Muzei narodnogo iskusstva i khudozhestvennoi promyshlennosti. Sbornik trudov NIIKhP* 5: 55–62. (In Russian)
- Zenz E. M. 1968. The history of one collection. *Voprosy istorii* 7: 205–206. (In Russian)

Received: May 15, 2020

Accepted: September 28, 2020

Author’s information:

Nadezda A Zubanova — Head of the Department; museumkuskovoestate@gmail.com